

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 9
volume 9**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1997**

О. К. Дрейер и российское классическое востоковедение

Когда начинаешь осмысливать роль Олега Константиновича Дрейера в истории нашего востоковедения, то лишний раз убеждаешься в том, что появление этого неординарного человека в нашей среде более чем соответствовало неординарности самой ситуации в востоковедении конца 50—начала 60-х годов. Эта пора хрущевской «оттепели» принесла неожиданные перемены в жизнь востоковедов, деятельность которых, по большей части, не выходила в ту пору за рамки тематики, признанной актуальной в плане практической политики экспертами из соответствующих партийных или государственных ведомств. Неудивительно, что круг тем и проблем классического востоковедения, ориентированный на комплексное исследование историко-культурного прошлого стран и народов Востока, в эти годы не занимал сколь-нибудь достойного места в перечне тематики, на которую партийным чиновникам представлялось целесообразным тратить государственные средства. Да и сами востоковеды, очевидно напуганные репрессиями 30—40-х годов, включавшими в себя как физическое уничтожение лучших востоковедов — представителей классического востоковедения, так и идеологические репрессии в рамках кампаний по борьбе с космополитизмом в востоковедении, продолжали заниматься такими важнейшими вещами, как изучение письменных памятников, история культуры и восточных религий скорее в виде личного увлечения, выполняя в служебном порядке задания, далекие от их профессиональных интересов и возможностей.

Особенно остро все это ощущалось в Ленинграде — традиционном центре классического востоковедения в России. В сущности, этот центр к началу 50-х годов был разгромлен. Перевод Института востоковедения из Ленинграда в Москву в 1951 г. привел к тому, что ленинградское академическое востоковедение было ограничено небольшим (немногим более 20 сотрудников) Сектором восточных рукописей, обеспечивавшим, главным образом, хранительские функции. Надо сразу же отметить, что сотрудники этого Сектора В. И. Беляев, В. С. Воробьев-Десятовский, И. Н. Петрушевский, Н. Д. Миклухо-Маклай, З. П. Горбачева и их коллеги и ученики сумели в эти трудные годы сохранить преемственность в деле исследования восточных текстов, которым всегда было сильно петербургско-ленинградское востоковедение и которое традиционно составляло основу исследовательской программы классического востоковедения в России.

1956 год стал особенной вехой в российском классическом востоковедении. Осенью этого года стал формироваться штат Ленинградского отделения ИВ АН СССР, которое возглавил выдающийся востоковед, яркий представитель школы петербургского классического востоковедения, академик И. А. Орбели. В течение трех-четырех лет сложился молодой и очень, как показали последующие десятилетия, перспективный научный коллектив, состоявший почти целиком из выпускников Восточного факультета ЛГУ, где к этому времени еще сохранялись традиции петербургской школы классического востоковедения. Так в востоковедение пришли новые люди, для которых изучение письменных памятников и культуры Востока было желанным делом всей жизни. Они знали, как надо исследовать тексты, понимали значение текстологии в контексте комплексного исследования истории культуры Востока. К началу 60-х годов они уже обладали первыми результатами своей работы и ждали с нетерпением и надеждой возможности их публикации. Да и в Архиве востоко-

ведов ЛО ИВАН десятилетиями хранились бесценные рукописи умерших или погибших востоковедов-классиков, в частности работы гениального тангутоведа Н. А. Невского. Здравствующие ученые и ценнейшие архивные материалы ждали своего издателя. И он появился в дворцовом особняке на набережной Невы в один из осенних дней 1958 г.

Олегу Константиновичу Дрейеру в ту пору было около сорока лет, но выглядел он, как, впрочем, и всю свою последующую жизнь, значительно моложе. Автору этих строк именно в этот приезд О. К. Дрейера в Ленинград довелось познакомиться с ним. Я знал о том, что за плечами этого человека долгие дороги войны и опыт издателя и полиграфиста. Знал и о том, что Б. Г. Гафуров, начавший в эти годы гигантскую по нашим востоковедным масштабам работу по созданию комплексного востоковедного центра в Москве, совсем недавно добился, используя свои огромные связи в высших партийных и государственных учреждениях, решения о создании специализированного востоковедного издательства, о котором никто из нас в ту пору, да и ранее, и мечтать не пытался. Но решение состоялось, и дело стало, как и все, за что брался в то время Б. Г. Гафуров, весьма быстро переходить в практическую стадию. Олег Константинович и приехал к нам в Ленинград уже в качестве директора «Издательства восточной литературы».

Что привело его в ЛО ИВАН? Ответ на этот вопрос для меня не труден, ибо мне довелось в качестве референта И. А. Орбели участвовать в долгих беседах директора нового издательства с признанным патриархом советских востоковедов. О. К. Дрейер проявил глубокий интерес ко всему, что может сделать новое издательство для расширения исследовательских программ в основных направлениях классического востоковедения. Именно в эти беседы родился масштабный план издания текстов и переводов наиболее ценных восточных литературных и исторических памятников из ряда коллекций научных учреждений СССР, в первую очередь богатейшей коллекции восточных рукописей ЛО ИВАН. Так было положено начало ставшим, без преувеличения, событием в мировом востоковедении сериям «Памятники литературы народов Востока» и «Памятники письменности Востока».

И. А. Орбели и О. К. Дрейер договорились и о скорейшем издании труда Н. А. Невского «Тангутская филология», который через несколько лет был удостоен Ленинской премии и стал мощным стимулом и обоснованием восстановления исследовательских программ в таких областях классического востоковедения, как дешифровка древних текстов и текстологическое исследование рукописных литературных и исторических памятников, литературоведческое и лингвистическое исследование письменных памятников. Эту же задачу с успехом выполнила публикация работы Ю. К. Щуцкого «Китайская классическая "Книга перемен"», также сохранившаяся в архиве ЛО ИВАН и опубликованная, как и труд Н. А. Невского, уже в 1960 г. Обе названные книги были изданы поразительно быстро и на максимально возможном для «Издательства восточной литературы» той поры полиграфическом уровне. Когда в витринах востоковедных библиотек появились книги Н. А. Невского и Ю. К. Щуцкого, специалистам стало ясно — российское классическое востоковедение вновь обретает свое лицо. Еще одним подтверждением этого стали первые публикации памятников восточной письменности, которые выходили в свет в 1959—1961 гг. Это были факсимильные издания ряда уникальных арабских, персидских, турецких, монгольских, корейских и японских письменных памятников из коллекции ЛО ИВАН. Готовившие эти издания к Международному Конгрессу востоковедов в Москве (1960 г.) сотрудники ЛО ИВАН хорошо помнят, какой неподдельный интерес О. К. Дрейер проявлял к ходу этой работы, сколько ума и энергии этот человек приложил к тому, чтобы молодое издательство сумело подготовить уже первые публикации на высоком научном и полиграфическом уровне.

Мои служебные обязанности, особенно после назначения на пост заведующего ЛО ИВАН в 1963 г., позволили мне часто встречаться с О. К. Дрейером в Москве и Ленинграде, не раз бывать вместе с ним в востоковедных центрах Средней Азии и Закавказья. У Олега Константиновича было поразительное чутье на все новое и перспективное в советском востоковедении. И это была не просто интуиция умного делового человека. Тот, кто знал Олега Константиновича близко, мог понять, что сам круг его интересов и дружеских связей выявлял в нем личность высокообразованную, человека с тонким художественным и литературным вкусом. Мне не раз приходилось обсуждать с Олегом Константиновичем ближайшие и перспективные планы издания книг ленинградских востоковедов. В памяти сохранилась как его благожелательность и понимание научной значимости нашей тематики вообще, так и непереносимое желание самому разобраться в характере и ученых качествах той или иной предлагаемой публикации. С ним было интересно спорить, он любил внимательно слушать собеседника, умел (что умеют далеко не все даже очень умные люди) изменить свою позицию под влиянием аргументов собеседника. И, наконец, он всегда решительно и умело действовал, когда сомнения исчезали. А ведь в 60—70-е годы далеко не каждая наша книга воспринималась положительно партийными или академическими чиновниками. О. К. Дрейер обладал удивительной способностью «пробивать» нужные нам издания, передавая власть имущим свое понимание актуальности. Точно знаю, что целый ряд ценнейших исследований ленинградских востоковедов мог бы ждать своего часа до перестроечных времен, если бы за их публикацию не брался О. К. Дрейер.

На рубеже 60—70-х годов мы задумали с Олегом Константиновичем серию культурологических востоковедных работ. Ее задачи и планы мне довелось подробно обсуждать в нескольких встречах с О. К. Дрейером и Н. И. Конрадом, который тоже горячо поддержал идею. В эти беседы возникла и новая по тем временам и весьма важная для нас идея публикации в новой серии не только работ советских исследователей, но и наиболее интересных трудов зарубежных востоковедов-культурологов. Серия довольно быстро обрела свое лицо, ежегодно издательство выпускало две-три книги серии. Без преувеличения можно сказать, что серия была одним из любимых детищ директора, который постоянно был активным и в высшей степени полезным для дела членом редколлегии серии. Помню искрящиеся радостью глаза Олега Константиновича, с гордостью показывавшего коллегам первенца серии — книгу В. Г. Луконина о культуре сасанидского Ирана. Ряд книг в серии появился благодаря личным усилиям О. К. Дрейера, умело «вербовавшего» интересных авторов и одаренных переводчиков.

О. К. Дрейер любил Ленинград и ленинградских востоковедов. Здесь у него было много друзей и соратников. Он высоко ценил профессионализм многих талантливых ученых из коллективов ЛО ИВАН и Восточного факультета ЛГУ, труды которых он всегда рассматривал как фундамент нашего востоковедения и одну из важнейших составляющих востоковедного издательского дела. Уже в 60—70-е годы, когда для многих издателей ориентиром служили оценки отделов науки партийных органов, О. К. Дрейер стремился к выходу наших книг на международный уровень их распространения, заботился о рецензировании наших публикаций не только в отечественных, но и в зарубежных востоковедных журналах. Он всегда понимал значение публикации наших работ на иностранных языках, и не его вина, что это осуществлялось тогда (да и сейчас!) явно недостаточно.

Одним из выдающихся проектов того времени, оказавшим огромное влияние на весь ход восстановительных работ в здании отечественного классического востоковедения, стала публикация полного собрания сочинений В. В. Бартольда. Вряд ли нужно сегодня доказывать, что труды этого выдающегося востоковеда являются важнейшим элементом фундамента современного рос-

сийского классического востоковедения, во всяком случае в его среднеазиатской и иранистической тематике и в общих вопросах методологии.

Мне трудно утверждать, что сама идея создания многотомного собрания сочинений В. В. Бартольда принадлежит одному О. К. Дрейеру. В равной мере за эту публикацию ратовали сам Б. Г. Гафуров и еще один человек, который заслуживает особой характеристики. О. К. Дрейер, создавая коллектив нового издательства, стремился привлечь в него людей одаренных и одержимых желанием реализовать обширную программу издания работ отечественных востоковедов прошлого и настоящего. Одной из самых ярких фигур среди этих людей был блестящий востоковед Ю. Э. Брегель, круг научных интересов которого был очень близок к разнообразной тематике исследований самого В. В. Бартольда. Замечу, что Ю. Э. Брегель — ныне профессор Индианского университета в Блумингтоне (США) — в 60-х годах был руководителем Редакции письменных памятников в «Издательстве восточной литературы». Он стал одним из самых энергичных и компетентных редакторов, занимавшихся изданием текстов и их переводов. Именно Ю. Э. Брегель взял на себя сложную научно-организационную работу по подготовке собрания сочинений В. В. Бартольда. О. К. Дрейер и Ю. Э. Брегель сумели воплотить в жизнь этот масштабный проект, опираясь на безоговорочную поддержку Б. Г. Гафурова, которому тоже была, как историку Средней Азии, очевидна научная значимость переиздания трудов В. В. Бартольда, большинство из которых давно стало библиографической редкостью.

Замечу попутно, что для востоковедов-классиков приход Б. Г. Гафурова на пост директора ИВАН в 1956 г. вообще стал буквально подарком судьбы. Новый директор — плоть от плоти советской высшей партийной номенклатуры — неожиданно для многих стал активно поддерживать именно исследования в ряде областей классического востоковедения. И это обстоятельство объясняется не только тем, что сам Б. Г. Гафуров — историк, для которого особое значение имели проблемы историко-культурного прошлого таджиков, узбеков и других народов Средней Азии. По своему воспитанию и мироощущению он испытывал особое почтение к древней рукописной книге вообще, и к мусульманской в особенности. В этом мне удалось убедиться во время частых встреч с Бободжаном Гафуровичем в Москве, а также в Ленинграде, где он не раз бывал в нашем Рукописном отделе, проявляя очевидное благоговение перед старинными рукописными книгами и с неподдельным интересом обсуждая перспективы изучения и издания этих, во многом уникальных памятников восточной культуры.

Так случилось, что на рубеже 50—60-х годов поворот в судьбе отечественного классического востоковедения осуществляли, объединив усилия, весьма разные люди. Ленинградский центр классического востоковедения восстанавливали сугубо беспартийный востоковед-классик И. А. Орбели и очевидно партийный историк Б. Г. Гафуров. Издательство восточной литературы создавали тот же Б. Г. Гафуров с его крепкой партийной хваткой и тонкий интеллигент О. К. Дрейер. Труды В. В. Бартольда эти люди публиковали в сотрудничестве с Ю. Э. Брегелем, через судьбу которого, равно как и через жизнь его отца, прошел ГУЛАГ. Думаю, что эти примеры не случайность. В 60—70-х годах наше востоковедение развивалось именно в результате постоянного поиска взаимопонимания и сотрудничества людей разных судеб и взглядов. И именно результатом удачи в этом поиске стали многие наши профессиональные успехи той поры. Уверенно можно говорить о том, что И. А. Орбели, Б. Г. Гафуров и О. К. Дрейер сыграли исключительную роль в создании той профессиональной и человеческой атмосферы, которая позволила востоковедам Москвы и Ленинграда в 60—70-е годы не только подтвердить былую славу российского востоковедения, но и доказать, что оно имеет большое будущее. И если мы сегодня, в это странное «постперестроечное» время, продолжаем сохранять немалый про-

фессиональный потенциал в российском востоковедении, вопреки безденежью и пренебрежительному отношению властей к науке вообще, то мы должны за это благодарить, в первую очередь, тех, кто на рубеже 50—60-х годов вдохнул в наше востоковедение новую жизнь. Именно поколение востоковедов этих лет и их ученики вернули силу и славу российскому классическому востоковедению, сделав важные шаги в направлении его реальной интеграции в мировое востоковедение. Это тоже оказалось крайне важным для будущего нашего востоковедения, которое в последние годы в немалой степени сохраняло свои позиции благодаря совместным проектам с востоковедами многих стран. И надо сказать, что О. К. Дрейер и здесь оказался в числе первопроходцев.

Мне довелось в 1989—1991 гг. вместе с О. К. Дрейером вести интересные переговоры с китайскими учеными и издателями на предмет совместного издания наших уникальных китайских рукописей из Дуньхуана и тангутских уникальных текстов из Хара-Хото. Переговоры проходили в Москве и Пекине, Шанхае и Ленинграде. Они завершились подписанием договора, результатом которого стал уже десяток томов этой публикации, великолепно подготовленных и изданных крупным шанхайским издательством «Древняя книга». Высокий профессионализм и личное обаяние О. К. Дрейера в немалой степени содействовали установлению продолжающегося по сей день дружеского сотрудничества китайских и российских востоковедов. Это было последнее из множества интереснейших дел и проектов, в которых мне довелось сотрудничать с О. К. Дрейером. Годы все же брали свое, и Олег Константинович решил протиться с издательской фирмой «Восточная литература» и сосредоточиться на научной и преподавательской работе. И хотя последние годы жизни О. К. Дрейер формально не руководил издательскими делами российских востоковедов, многие, решая ту или иную издательскую проблему, «сверяли часы» по О. К. Дрейеру. Отнюдь не случайно, что молодое, уверенно набирающее силу петербургское издательство Центр «Петербургское Востоковедение» посвятило в 1994 г. очередной выпуск своего альманаха «Петербургское востоковедение» 75-летию О. К. Дрейера.

Классическое востоковедение, как и любая иная область науки, это прежде всего люди. Их профессиональное становление и личная судьба постоянно волновали О. К. Дрейера. Он всегда находил время и силы, чтобы поддержать своих ученых коллег, особенно если эта поддержка была нужна незаурядному и порядочному человеку. Вообще он особенно ценил в людях порядочность и настоящую увлеченность делом. Надо заметить, что очень многие востоковеды нашего времени обязаны О. К. Дрейеру не только поддержкой в издании их трудов, но его постоянной доброжелательной готовностью помочь в преодолении трудностей науки и личной жизни. Многие люди приходили к нему в служебный кабинет в Издательстве, рассчитывая на умный совет и его готовность поддержать, используя свои немалые деловые и дружеские связи. Воистину это был человек открытый, верный своим многочисленным друзьям. Хорошо, что многие из них еще живы и могут своими воспоминаниями сохранить для потомков образ человека, чей профессиональный и человеческий дар позволил ему стать одним из архитекторов современного российского востоковедения.

Ю. А. Петросян